

НЕФОРМАЛЬНЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ: КОНЦЕПЦИЯ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ АНАЛИЗА В РАМКАХ МОДЕЛЕЙ ОБЩЕГО РАВНОВЕСИЯ

- Казакова Мария Владимировна** кандидат экономических наук, зав. лабораторией исследований проблем экономического роста ИПЭИ РАНХиГС, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 84, корп. 9); зам. зав. Международной лабораторией изучения бюджетной устойчивости научного направления "Макроэкономика и финансы", Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара (125009, Россия, г. Москва, Газетный пер., 3-5, стр. 1). E-mail: kazakova@ranepa.ru
- Нестерова Кристина Владимировна** старший научный сотрудник Лаборатории математического моделирования экономических процессов, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 84, корп. 9). E-mail: nesterovakv@ranepa.ru

Аннотация

Эмпирические данные свидетельствуют о том, что неформальный сектор является важным источником занятости во многих странах, главным образом, развивающихся и отсталых. Деятельность в неформальном секторе в странах с высоким уровнем бедности представляет единственный источник дохода для населения. В то же время, расширение данного сектора негативно сказывается на уровне доходов в масштабах всей экономики. Поэтому изучение макроэкономических последствий существования неформального сектора представляет высокую теоретическую и практическую значимость. Настоящее исследование посвящено обзору подходов к определению неформального сектора, а также зарубежного опыта построения моделей общего экономического равновесия с учетом неформального сектора. Данный обзор будет иметь ценность для построения подобной модели для России.

Ключевые слова: *неформальный сектор, формальный сектор, рынок труда, теневая экономика, подпольная экономика, модели общего равновесия, предприятия, налоговая политика.*

Введение

В документах Международной организации труда подчеркивается, что неформальный сектор по-прежнему является важным, если не основным источником занятости во многих странах, где он состоит из собственных или малых предприятий с небольшой или отсутствующей формализованной организацией или капиталом, и случайной занятостью. В странах Восточной Европы и Центральной Азии неформальный сектор является значительной частью экономики [1].

Деятельность в неформальном секторе (неоплачиваемая работа на семейном предприятии, наемный труд наемного труда, работа на дому, уличный вендинг) предоставляет единственную возможность для многих бедных людей обеспечить свои основные потребности в выживании. В странах без страхования по безработице или других видов социальных пособий единственной альтернативой безработным является занятость в неформальном секторе. Другие виды неформальной занятости (такие как работодатели в неформальных

производственных учреждениях или квалифицированные самозанятые работники на малых предприятиях) иногда могут обеспечить более высокое вознаграждение за труд. Неформальные работники могут даже заработать больше, чем обычные сотрудники, работающие на официальных должностях [2, с. 47-49]. Но даже для таких более обеспеченных сотрудников именно неформальный сектор, а не занятость в формальном секторе, часто является единственным вариантом.

Неформальный сектор важен не только как источник занятости, но и с точки зрения производства товаров и услуг. Во многих странах вклад неформальных предприятий в валовую добавленную стоимость (ВДС) является существенным. Оценки средней (невзвешенной) доли неформального сектора в несельскохозяйственной НДС варьируются от 14 процентов в странах Восточной Европы и Центральной Азии до 50 процентов в странах Африки к югу от Сахары [3, таблица 2.9]. Товары и услуги, производимые в неформальном секторе, составляют существенную долю продукции, потребляемой как бедными, так и более обеспеченными домохозяйствами.

Будучи основным, а зачастую и единственным источником дохода для малоимущих, занятость в неформальном секторе играет ключевую роль в сокращении масштабов нищеты. Однако в действительности многие из тех, кто осуществляет деятельность в неформальном секторе, не могут преодолеть проблему нищеты. Это обусловлено тем, что для многих людей условия, при которых они работают, лишь укореняют неблагоприятное положение и бедность, в которой эти люди живут.

Как отмечает [4], с учетом масштабов и растущего размера неформального сектора в развивающихся экономиках, макроэкономические последствия его существования заслуживают повышенного внимания исследователей. Оценки неформальной доли занятости варьируются от 30 - 40% в Латинской Америке до 60-70% в Африке южнее Сахары (см. [5; 6; 7; 8; 9]). Многие страны, которые подверглись неолиберальной экономической реформе в восьмидесятые годы, столкнулись с быстрым расширением неформальных секторов на фоне сжатия официальных (формальных) секторов экономик. В настоящее время программы развития стран часто включают компонент поддержки неформального сектора/микрпредприятий, основанный на убеждении, что неформальные фирмы могут улучшить занятость в экономике за счет трудоемкой природы их производства. В противовес политике развития большая часть недавно появившейся теоретической литературы показывает, что выпуск официального сектора обратно связан с выпуском неформального сектора [10]. Поскольку производство формального сектора считается более продуктивным и прибыльным, чем производство неформального сектора, в этой литературе говорится, что расширение неформального сектора снижает доходы в масштабах всей экономики. Таким образом, учитывая контраст между политикой развития неформального сектора и макроэкономической литературой, необходимы дополнительные исследования для определения характера дуализма между формальным и неформальным сектором экономики.

По различным оценкам размер теневого (неформального) сектора российской экономики составляет от 15 до 45 процентов агрегированного выпуска, что обуславливает актуальность включения данного сектора в комплекс макроэкономических моделей для более точного анализа эффектов экономической политики и построения долгосрочных прогнозов. Наличие неформального сектора играет важнейшую роль в собираемости налогов и, соответственно, его размер и структура определяет налоговые поступления в государственный бюджет. В свою очередь, сама структура налогов может определять размер неформального сектора, так как некоторые субъекты экономической деятельности легче увести в тень. Например, в текущих экономических условиях России собираемость налога на потребление, то есть НДС, выше, чем собираемость налогов на труд, и в экономических и политических кругах бытует мнение, что определенная «замена» налогов на труд на НДС позволит «обелить» российскую экономику. Таким образом, наличие неформального сектора особенно важно учитывать при оценке фискальных и макроэкономических последствий от налоговых маневров, необходимость проведения которых обсуждается как в Министерстве финансов РФ, так и в Министерстве экономического развития.

Кроме того, необходимо отметить, что наличие неформального сектора приводит к тому, что государство с целью финансирования государственных расходов по обеспечению общественных благ устанавливает слишком высокие ставки налогов на формальный сектор, что может приводить к слишком большим искажениям на рынках и потерям мертвого груза. Соответственно, за счёт обеления концептуально можно достичь Парето улучшения, а также увеличения выпуска. Данный вывод согласуется с общими целями государственной политики РФ.

На сегодняшний день в литературе представлен значительный набор подходов и инструментов для описания неформального сектора в экономике. В настоящем исследовании проводится обзор подходов к оценке размера неформального сектора, а также зарубежного опыта построения моделей общего экономического равновесия, включающих неформальный сектор. Данный обзор, на наш взгляд, будет представлять ценность для построения подобной модели для российской экономики.

1. Подходы к оценке размера неформального сектора

Будучи впервые разработанным еще в начале 1970-х годов, термин «неформальный» использовался по-разному для разных целей. Первоначально он ссылался на концепцию анализа и разработки политики. Как будет показано далее, сегодня его иногда используют в гораздо более широком смысле, ссылаясь на концепцию, которая определяет действия, не описываемые существующими, традиционными источниками статистики.

В действительности существует множество способов анализа неформального сектора. Например, Раковски [11] указывает, что ранние определения неформального сектора концентрируются на его правовом статусе, размере или налогообложении.

В другой своей работе Раковски [12] отмечает, что впервые термин «неформальный сектор» был введен в работах К. Харта [13; 14] и чаще всего использовался для обозначения размера (масштаба операций), уровня технической сложности, производительности и уровня дохода. Маломасштабные мероприятия, как отмечает Харт, связаны с несложными технологиями, низкими уровнями производительности и доходами на уровне ниже, чем у «современных» (т.е. продвинутых) рабочих мест.

Раковски [12] подчеркивает, что на протяжении многих лет глубина и охват дискуссии о неформальном секторе значительно расширились. По этой причине ученые, политики и практики часто сталкиваются с трудностями в понимании явления, на которое ссылается данный термин. В своей работе автор иллюстрирует эволюцию дискуссии об определении неформального сектора в 1984-1992 годах применительно к неформальному сектору в Латинской Америке. В первую очередь, автор описывает структуралистский (structuralist) подход, принятый в Международной организации труда (МОТ). Сторонники этого подхода опираются на двойственную концепцию (современный/неформальный), связанную с размером бизнеса (малым), типом занятости или способом ведения деятельности и способом организации производства (самостоятельная занятость, семейные фирмы, низкий уровень запаса капитала, простые технологии), а также с результатами деятельности (низкая производительность, низкие доходы, стратегии выживания). Этот подход эволюционировал со временем, сохраняя сущность своей аргументации. Его сторонники сосредоточены на рынках труда и утверждают, что неформальный сектор обусловлен избыточным предложением рабочей силы, вызванным характером индустриализации (например, капиталоемким), характеристиками работников (низкий уровень квалификации, плохое образование, возраст и пол), миграцией в сельской местности, а также быстрым ростом городской рабочей силы. Неформальность по-прежнему приравнивается к бедности (поскольку доля небедных в данном секторе относительно невелика).

Второй подход к определению неформального сектора, описанный в [12], также относится к категории структуралистский и называется подходом подпольной (underground) экономики. Сторонники подхода подпольной экономики отвергают экономический дуализм и раскрывают способ интеграции форм производства, производственных единиц, технологий и рабочих в местную, региональную и международную экономику. Язык подпольной экономики включает такие термины, как реструктуризация промышленности, интернационализация капитала и гибкая специализация; термины «неформальная экономика» и

«подпольная экономика» более предпочтительны, чем неформальный сектор. В исследованиях, посвященных подпольной экономике, анализируются отношения производства (особенно механизмы подчинения труда), схемы накопления (например, связи между неформальной деятельностью и крупными фирмами), классовые расслоения и (пере)ориентация производства в условиях изменяющихся экономических, институциональных, социальных и правовых условиях. Исследования подпольной экономики включают анализ рынка труда (с использованием данных обследования и переписи) и тематические исследования конкретных отраслей и их работников.

В отличие от двух описанных выше подходов, в основе легалистского (legalist) подхода лежат вопросы регулирования и внеклассности. Такой подход является неолиберальным и не зависит от экономического моделирования или результатов академических исследований. В работах, посвященных этому подходу, встречаются такие термины, как «моральный», «эффективный», «рациональный» и «демократический». Он основан на реальной экономике – исследовании предпринимательского сектора (посредством опросов, углубленных интервью и тематических исследований подсекторов и организаций) и институциональных ограничений (посредством юридического анализа и интервью), которые приводят к тому, что неформальность становится рациональной экономической стратегией. Позиция сторонников легалистского подхода отличается от позиции сторонников структуралистских подходов и подхода подпольной экономики с точки зрения основных причин и результатов неформальности и роли неформального сектора в экономическом росте. Если сторонники структуралистских подходов концентрируют свое внимание на «расслоении экономического и социального состава в формальной и неформальной экономике» и «заключают, что правильная роль государства заключается в том, чтобы помочь уравнивать различия», сторонники легалистского подхода утверждают, что «расслоения являются не структурными, а юридическими, бюрократическими, создаваемыми государством» [12]. Имеются также важные точки сближения сторонников структуралистских и легалистских подходов, состоящие в том, что связи между секторами являются неблагоприятными для неформальной деятельности и что неформальный сектор играет важную роль в периферийных экономиках. При этом структуралисты стремятся улучшить положение рабочих, в то время как легалисты утверждают, что защита работников может привести к потере рабочих мест.

Таким образом, как отмечает Раковски [12], фундаментальным и, вероятно, непреодолимым различием между (структуралистским) подходом МОТ, подходом подпольной экономики и легалистской позицией является роль, которую они отводят государству в развитии и демократизации. Если сторонники структуралистских подходов подчеркивают необходимость вмешательства государства в экономику, легалисты и неолибералы в целом выступают против вмешательства государства. Легалисты также видят неформальность как ключ к демократии, как популярное сопротивление несправедливому и чрезмерно навязчивому государству. Таким образом, согласно легалистскому подходу, неформальность – это путь к реформам, а акторы неформальной экономики – это политическая сила, которая может породить как демократию, так и рациональную, конкурентоспособную рыночную экономику.

Наконец, автор выделяет подход развития микропредприятий к определению неформального сектора. Сторонники этого подхода ориентированы на действия, не заинтересованы в концептуальных проблемах и лишь незначительно занимаются теориями происхождения микропредприятий (используемыми как синонимы неформального сектора и нищеты). Будучи, как правило, неолиберальными в своей экономической ориентации, но также ориентированными на социальное обеспечение, они соглашались с аргументами легалистов, которые укрепляют собственное чувство веры и уверенности в способности бедных защищаться и выживать. Принимая понятия стратификации, эксплуатации и привилегированных слоев общества, сторонники подхода развития микропредприятий стремятся расширять рабочие места и повышать производительность и доход. Некоторые из них также нацелены на «расширение прав и возможностей» отдельных предпринимателей или групп и общин, лишенных гражданских прав, посредством содействия бизнесу и развития организационных навыков и возможностей. Будучи ориентированными на практическую

деятельность, они продвигают, финансируют и осуществляют программы, направленные на удовлетворение потребностей бедных слоев населения [12].

Изучению неформального сектора в России посвящен целый ряд исследований (см. [18; 19; 20; 21; 22] и др.). Так, авторы работы [18] отмечают, что упомянутый выше подход Харта к определению неформального сектора был принят за основу не только в исследованиях по данной тематике, но и международными организациями вроде МОТ, Всемирного банка и ОЭСР. Так, в современной терминологии, резолюцией 15-й Международной конференции статистиков труда, неформальный сектор определен как подгруппа производственных единиц, включенных в институциональный сектор домашних хозяйств в СНС. Другими словами, предприятия неформального сектора определены МОТ как подсектор домашних некоммерческих (некорпоративных) предприятий. В отличие от корпораций и квазикорпораций, домашнее некоммерческое предприятие является производственным подразделением, которое не является отдельным юридическим лицом, независимым от члена семьи или его членов. Оно не имеет полного набора счетов, которые бы идентифицировали потоки доходов и капитала между предприятием и владельцем (владельцами). Домашние некоммерческие предприятия включают некоммерческие предприятия, принадлежащие и управляемые отдельными членами домашнего хозяйства или несколькими членами одного и того же домохозяйства, а также некорпоративные партнерства, созданные членами разных семей, которые не ведут полный набор счетов (см. [15, пункт 7]; [16, пункты 4.155 и 4.156]; а также [1]). Так, в пункте 5 (1) 15-й резолюции ICLS говорится: «Неформальный сектор может быть в целом охарактеризован как состоящий из подразделений, занимающихся производством товаров или услуг, с основной целью создания рабочих мест и доходов для соответствующих лиц. Эти подразделения, как правило, работают на низком уровне организации, с небольшим или отсутствующим разделением труда и капитала как факторов производства и в небольших масштабах. Трудовые отношения - где они существуют - основаны главным образом на случайной занятости, родстве или личных и общественных отношениях, а не на договорных соглашениях с формальными гарантиями». Другими словами, 15-ей резолюцией ICLS при определении неформального сектора подразумевается аналитическая/политическая, а не статистическая концепция [1].

Необходимо добавить, что спустя 10 лет, в 2003 году, 17-й резолюцией ICLS рекомендовалось международное статистическое определение неформальной занятости в дополнение к определению неформального сектора (см. [17, пункт 2.67]), подразумевающее включение в неформальный сектор работников, занятых в неформальных видах деятельности формального сектора. К таким работникам резолюцией отнесены те, чьи трудовые отношения по закону или на практике не регулируются официальным трудовым законодательством, налогами на доходы, системой социальной защиты или правом на получение определенных пособий по безработице. Это может происходить по ряду причин: так, речь может идти о недекларируемых работах или сотрудниках; случайных работах или работах с ограниченным коротким сроком; рабочих часах или заработных платах ниже определенного порога; занятости на некорпоративных предприятиях или членов домохозяйств; а также о работах, не регулируемых трудовыми отношения по каким-либо другим причинам [17, пункт 3(5)].

Приведенное выше определение неформального сектора, как замечают авторы [18], сегодня известно как производственный метод оценки неформального сектора (ввиду связи с характеристиками предприятий, см. [23]), указано в совместном документе МОТ/ВБ/ОЭСР, ставшем основополагающим с точки зрения методологии измерения неформального сектора [24].

В свою очередь, Росстат руководствуется следующим определением неформального сектора, разработанным с учетом 15-ей резолюции ICLS: «для целей статистики занятости неформальный сектор рассматривается как совокупность производственных единиц, составляющих часть сектора домашних хозяйств, или некорпоративных предприятий, принадлежащих домашним хозяйствам, которые осуществляют производство товаров и услуг для реализации на рынке и не являются самостоятельными юридическими единицами, созданными отдельно от домашнего хозяйства или его членов, которым они принадлежат. Предприятия домашних хозяйств (или некорпоративные предприятия, принадлежащие

домашним хозяйствам) отличаются от корпораций и квазикорпораций по юридическому статусу единиц и характеру бухгалтерского учета в них. Индивидуальные члены домашнего хозяйства, занимающиеся какой-либо хозяйственной деятельностью, действуют не как самостоятельные производственные единицы, а от имени своего домашнего хозяйства. Так, если член домашнего хозяйства владеет собственным предприятием, которое не является корпорацией или квазикорпорацией, то это предприятие составляет неотъемлемую часть самого домашнего хозяйства. С учетом этих положений в качестве критерия определения единиц неформального сектора в России принимается критерий отсутствия государственной регистрации в качестве юридического лица.

2. Модели общего экономического равновесия с неформальным сектором экономики

Существуют различные способы включения неформального сектора в модели общего равновесия. Гибсон [25] изучает влияние либерализации торговли на рост и распределение доходов в динамической структурной CGE-модели. Основа модели включает неформальный сектор в явном виде, а также накопление человеческого капитала. Этот теоретический подход обсуждается в работе Гибсона и Келли [26], которые отмечают, что основное внимание спорах о неформальном секторе заключается в том, является ли этот сектор «рассадником капиталистического роста» или просто резервной армией безработных. Авторы предлагают классическую модель, в которой неформальные процессы могут или не могут стать формальными в долгосрочной перспективе. В работе показано, что, если государство облагает капиталистов налогами для поддержания доходов в неформальном секторе, профицит, вероятно, будет сокращаться по мере роста объема формального сектора. Таким образом, авторы делают вывод, что, хотя неформальный сектор не обязательно ведет к капиталистическому развитию, он может служить социальным буфером в его отсутствие.

В более поздних исследованиях основное внимание уделяется определению заработной платы. Аженор и Айзенман [27] рассматривают экономику, состоящую из двух секторов. Формальный сектор производит торгуемый товар с квалифицированным и неквалифицированным трудом. Неформальный сектор производит неторгуемое благо с использованием только неквалифицированной рабочей силы. Предполагается, что заработная плата в неформальном секторе является полностью гибкой, а в формальном секторе она определяется с точки зрения эффективности. Минимальная заработная плата для неквалифицированного труда существует в обоих секторах, но является обязательной только в формальном секторе. Аженор и Айзенман [27] анализируют влияние бюджетно-налоговой политики и политики на рынке труда при предпосылке о перетоках между формальным и неформальными секторами и, таким образом, отсутствии тесной связи между объемом производства и безработицей в краткосрочном периоде. Под этим подразумевается, что падение производства означает снижение средней производительности, а не рост безработицы. В данной модели постоянное сокращение государственных расходов на неторгуемые товары в конечном итоге приводит к обесцениванию реального обменного курса, падению рыночной заработной платы для неквалифицированной рабочей силы, увеличению выпуска торгуемых товаров и более низкому запасу чистых иностранных активов. Постоянное сокращение минимальной заработной платы повышает конкурентоспособность и расширяет формальный сектор. Авторами также анализируется влияние изменений пособий по безработице.

В упомянутой выше модели Гибсона [25] неторгуемые товары ассоциируются с неформальным сектором, действующим как работодатель последней инстанции. Дополнительная рабочая сила переключается на неформальный сектор во время спадов и утекает из него во время экспансии. Гибсон моделирует две траектории. Первая траектория предполагает устойчивый рост дохода на душу населения с быстрыми темпами накопления человеческого капитала и сокращение неформального сектора. Вторая траектория предполагает более низкие темпы роста, расширяющийся неформальный сектор и несоразмерные темпы формирования человеческого капитала. В результате повышение уровня экономической открытости может оказаться не самой лучшей стратегией для правительства и привести к росту бедности, безработицы и стагнации, если стоимость финансирования накопления человеческого капитала высока.

Такой же подход к исследованию неформального сектора был использован Мечлера и Рорланда-Хольста [28]. Они разработали неоклассическую CGE-модель для Мексики с разбивкой по секторам экономической деятельности и экзогенно заданными другими торговыми партнерами (такими как США, Канада и др.). Эта разбивка была сделана для иллюстрации структурной перестройки мексиканской экономики, то есть таких макроэкономических параметров, как внутренний объем производства, спрос и торговые потоки. Для лучшего анализа рынка труда и торговли авторами [28] также были представлены дезагрегированные факторы и домашние хозяйства. Труд дезагрегирован на три категории: формальный квалифицированный и неквалифицированный труд и неформальный труд. Модель имеет одно представительное домашнее хозяйство. Используя данную модель, Мечлер и Рорланд-Хольст [28] проводят различные эксперименты для оценки влияния политики и приспособлений рынка на заработную плату и занятость.

Шефер [4] отмечает, что в настоящее время развивающиеся страны во всем мире столкнулись с быстрым развитием неформального сектора, что было реакцией на безработицу в формальном секторе. Однако макроэкономическое влияние формально-неформального секторального дуализма в литературе широко игнорировалось. Автор строит краткосрочную двухсекторную структурную CGE-модель для Южной Африки с городским неформальным сектором для изучения влияния этого сектора на использование производственных мощностей и распределение доходов в условиях роста за счет экспорта (номинальная девальвация) и политики либерализации торговли. Существование сектора с неформальной деятельностью в модели, как показывает Шефер, обусловлено недостаточным спросом в формальном секторе. В модели используются стилизованные факты о неформальном секторе в Йоханнесбурге, описанные в работе [29], и она применима к странам, где производство неформального сектора сосредоточено в низкооплачиваемых товарах и коммерческих услугах.

В модели Шефера неформальный сектор в городах производит товары, созданные с использованием наемного труда, или коммерческие услуги со слабой прямой связью с формальным сектором (потребителями с низким доходом) или иностранными рынками. Напротив, формальный сектор производит капитальные и потребительские товары, которые частично экспортируются. В такой модели совокупная рабочая сила включает как работников формального, так и неформального сектора. Работники формального сектора получают номинальную заработную плату, которая зафиксирована институционально. В неформальном секторе работники делятся на два класса: «предприниматели», занимающиеся более прибыльной деятельностью и имеющие капитал, и «работники», наделенные, в основном, трудом с невысоким уровнем квалификации. Оба класса в неформальном секторе считаются самозанятыми. Как и в работе Гибсона [25], спрос и предложение рабочей силы в формальном секторе определены и поглощают избыток рабочей силы, поглощаемый неформальным сектором.

Шефер [4] приходит к выводу, что включение городского неформального сектора в модель увеличивает компромисс (trade-offs) между использованием производственных мощностей и уменьшением неравенства доходов. Это указывает на необходимость учитывать потребление разных классов работников при выборе экономической политики, которая должна быть реализована.

В работе [30] показано, что межстрановые данные свидетельствуют о важности уклонения от уплаты налогов и коррупции при определении размера фискальных мультипликаторов. Авторы вводят эти два параметра в кейнсианскую модель и пересматривают с ее помощью последствия фискальной консолидации в 17 странах ОЭСР в 1978-2009 гг. Результаты VAR для Италии свидетельствуют о том, что сокращение расходов снижает уклонение от уплаты налогов, в то время как повышение налогов такое уклонение увеличивает. В модели сокращение расходов приводит к перераспределению производства в сторону формального сектора, что уменьшает уклонение от уплаты налогов. Рост налогов повышает стимулы к производству в менее производительном теневом секторе, что предполагает более высокий уровень производства и потери безработицы. Коррупция еще больше усиливает эти потери, требуя увеличения налогов в целях сокращения задолженности. В работе

используется модель для оценки планов фискальной консолидации в Греции, Италии, Португалии и Испании – в странах, характеризующихся как высокой коррупцией, так и уклонением от уплаты налогов. Результаты работы подтверждают факты увеличения уровней уклонения от уплаты налогов в ходе этих консолидаций и указывают на значительные потери производства и благосостояния, которые могут быть существенно сокращены за счет борьбы с уклонением от уплаты налогов и коррупцией.

В статье [31] разрабатывается двухсекторная модель развивающейся экономики и анализируется роль неформального сектора в ограничении возможности правительства увеличивать налоговые поступления. Ключевой особенностью данной модели является внедрение аудита неформального сектора и степени применения налогового законодательства в этом секторе. Авторами подчеркивается взаимозависимость между налоговой политикой и правоприменением в достижении фискальных целей развивающейся экономики и показывается, что разумная политика предполагает, что присутствие неформального сектора не должно препятствовать его способности повышать налоговые поступления.

В работе [31] строится двухсекторная модель развивающейся экономики, состоящая из формального сектора и неформального сектора (теневая экономика). Производство в первом секторе зависит от труда и капитала, которые могут накапливаться в этом секторе, а производство в последнем секторе зависит только от рабочей силы и, возможно, от фиксированного объема капитала. Агент, работающий в формальном секторе, платит налоги добровольно. Работник, занятый в теневой экономике, избегает уплаты налогов в случае отсутствия налоговых проверок, результатом которых этот работник может быть наказан. Поэтому правительство имеет несколько фискальных инструментов: ставки налога на капитал и доходы от трудовой деятельности, уровень аудита и штрафы, наложенные на провинившихся налогоплательщиков. Авторы абстрагируются от коррупции и взяток, хотя признают, что это важные практические вопросы во многих развивающихся странах.

Описанные выше теоретические выводы работы [31] дополняются численным моделированием для дальнейшего понимания взаимозависимости между аудитом и налогообложением. В целом, как показано в работе, большое число налоговых проверок снижает способность налоговой политики влиять на размер неформального сектора, в то же время усиливая ее влияние на сбор налогов. Напротив, более высокие ставки налогов повышают способность налогового аудита влиять на размер неформального сектора, а также собирать больше налогов.

В свою очередь, в статье [32] рассматриваются последствия нескольких налоговых реформ в экономике, где имеет место частичное уклонение от налогов посредством осуществления недекларируемой деятельности. С этой целью авторы анализируют двухсекторную динамическую модель общего равновесия, откалиброванную для Италии, в которой подпольный сектор учитывается в явном виде. В статье строятся различные сценарии налоговой реформы, такие как нейтральный для бюджета переход от прямых налогов к косвенным и снижение налогов на труд и бизнес, финансируемый за счет сокращения государственных расходов.

Авторы получают следующие результаты. Во-первых, размер подпольного сектора играет важную роль в формировании макроэкономического эффекта налоговых реформ. В статье показано, что пренебрежение существованием подпольного сектора и незадекларированной работой может привести к переоценке макроэкономического воздействия и последствий для налоговых реформ с точки зрения благосостояния (так, пренебрежение неформальным сектором может привести к переоценке долгосрочного воздействия на выпуск в экономике на величину 3,7% до 29% в зависимости от базовой налоговой реформы). С этой точки зрения возможное перераспределение экономической деятельности из одного сектора в другой может иметь значение для оценки влияния налоговых реформ. Во-вторых, возникает нетривиальная связь между отсутствием конкуренции и существованием подпольного сектора. В силу своей рыночной власти фирмы могут частично переносить бремя корпоративного налога на домашние хозяйства, в то время как возможность перемещения части их производства в подпольный сектор дает им возможность уменьшить их наценку. В-третьих, все изменения политики оказывают благотворное влияние на рынок труда и общие эконо-

мические показатели и способны навсегда уменьшить масштабы подпольного сектора. При наличии достаточно большой доли подпольной экономики сокращение налогового бремени бизнеса, как правило, оказывает более сильное воздействие на выпуск; однако, когда речь заходит о влиянии на размер подпольного сектора, более сильные негативные последствия возникают в результате реформ, которые снижают налоги на труд. Наконец, проведенный в статье [32] анализ показывает, как вывод экономики из тени посредством налоговых реформ потенциально улучшает благосостояние. В заключение авторы утверждают, что тщательно продуманные налоговые реформы должны учитывать последствия перераспределения между подпольными и формальными секторами, которые могут провоцировать сами реформы. Если взаимодействие между размером подпольного сектора и фискальной структурой не становится явным, политические рекомендации могут вводить в заблуждение.

В развивающихся странах официальные работники, как правило, более опытные, более образованные и зарабатывают больше, чем неформальные рабочие. Эти факты часто интерпретируются как доказательство того, что низкоквалифицированные работники сталкиваются с препятствиями для вступления в формальный сектор. Тем не менее, существует мало эмпирических доказательств того, что такие барьеры важны. В статье [33] описывается модель, где в равновесии характеристики формальных и неформальных работников систематически различаются, хотя рынки труда являются совершенно конкурентными. Неформальный сектор отдает приоритет работам с низким уровнем квалификации, о чем свидетельствуют данные, поскольку неофициальные менеджеры имеют доступ к меньшему объему внешнего финансирования и предпочитают заменять низкоквалифицированный труд физическим капиталом.

В развивающихся странах работники, занятые в необлагаемом налогами, нерегулируемом секторе, как правило, моложе, менее образованы и зарабатывают меньше, чем их коллеги в формальном секторе. Это часто интерпретируется как свидетельство того, что рынки труда в этих странах сегментированы: барьеры на входе, как предполагается, предотвращают конкуренцию определенных групп работников за более оплачиваемые официальные рабочие места. Хотя эта точка зрения распространена в литературе по развитию, прямые эмпирические исследования предпосылки о том, что неформальные рабочие ожидали бы более высокую заработную плату в формальном секторе, в лучшем случае дают смешанные результаты.

Учитывая отсутствие убедительных доказательств сегментации, возникает естественный вопрос: есть ли (и как) документированные различия в характеристиках и доходах работников между секторами в экономике, где рынки труда являются конкурентоспособными. Авторы статьи [33] отвечают на этот вопрос в контексте динамической версии модели, описанной в работе [34], с двумя типами труда (квалифицированный и неквалифицированный). Основное предположение в работе заключается в том, что неквалифицированный труд лучше заменяет физический капитал, чем квалифицированный труд. Гипотеза о том, что капитал и навыки являются комплементарными факторами, подтверждается большинством микроэкономических исследований с данными по промышленно развитым странам.

Как и все модели, описывающие деятельность в неформальном секторе, модель [33] предсказывает, что работодателей в формальном секторе должно быть больше, чем их коллег в неформальном секторе. Таким образом, модель успешно реплицирует ключевые особенности рынков труда и организацию производства в развивающихся странах, не прибегая к каким-либо предположениям о формальных барьерах для перемещения между секторами. С учетом отсутствия прямых доказательств того, что такие барьеры имеют значение на практике, полученные в работе [33] результаты свидетельствуют о том, что доминирующий в исследованиях дуалистический взгляд на рынки труда в развивающихся странах следует поставить под сомнение.

Выводы

Итак, как показано выше, во многих странах, главным образом, развивающихся, неформальный сектор представляет собой значительную часть экономики и является важным, а в ряде случаев единственным источником занятости и доходов населения. Неформальный сектор в таких странах также имеет значение с точки зрения производства товаров и услуг,

составляя существенную долю от ВДС. Большую долю совокупного объема производства занимает неформальный сектор и в российской экономике, влияя на собираемость налогов и, следовательно, доходную часть государственного бюджета. В то же время в литературе, посвященной рассматриваемой тематике, подчеркивается, что расширение неформального сектора снижает доходы в масштабах всей экономики ввиду наличия обратной зависимости между выпуском в формальном и неформальном секторе. Соответственно, изучение макроэкономических последствий наличия неформального сектора в экономике представляет большую ценность с точки зрения анализа эффектов экономической политики и построения долгосрочных прогнозов.

Наше исследование существующих подходов к определению, а также зарубежного опыта построения моделей общего равновесия с учетом неформального сектора показало, что на сегодняшний день в литературе представлен значительный набор подходов и инструментов для описания неформального сектора в экономике. Однако для российской экономики, насколько нам известно, модель с неформальным сектором и перекрывающимися поколениями, подобную моделям, построенным для других стран, ещё никто не разработал. Таким образом, как нам представляется, проведенный в настоящей работе обзор существующих подходов к анализу неформального сектора в рамках моделей общего экономического равновесия является отправной точкой для дальнейших исследований, предполагающих построение такой модели для экономики России.

Литература

1. Measuring informality: a statistical manual on the informal sector and informal employment. International Labour Office. Geneva: ILO, 2013. xvi+324 pp.
2. *Chen, M.; Vanek, J.; Lund, F.; Heintz, J.; Jhabvala, R.; Bonner, C.* Progress of the world's women 2005: Women, work and poverty. New York, UNIFEM, 2005. 112 pp.
3. International Labour Office (ILO); Women in Informal Employment: Globalizing and Organizing (WIEGO). Women and men in the informal economy 2012 – A statistical picture. ILO, Geneva, 2013. 219 pp.
4. *Schaefer, K.* Capacity utilization, income distribution and the urban informal sector: an open economy model / PERI Working Paper Series No. 35, Political Economy Research Institute, University of Massachusetts at Amherst, 2002. 52 pp.
5. *Chaudhuri, T. D.* A theoretical analysis of the informal sector // World Development. 1989. Vol. 17(3). P. 351–355.
6. *Gibson, B., Lustig, N. & Taylor, L.* Terms of trade and class conflict in a computable general equilibrium model for Mexico // Journal of Development Studies. 1986. No. 23. P. 40–59.
7. *Harris, J. & Todaro, M.* Migration, unemployment and development: a theoretical analysis // American Economic Review. 1970. No. 60. P. 126–142.
8. *Lewis, W.A.* Economic development with unlimited supplies of labour // The Manchester School. 1954. P. 1–32.
9. *Meagher, K.* Crisis, informalization and the urban informal sector in Sub-Saharan Africa // Development and Change. 1995. No. 26. P. 259–284.
10. *Webster, L. & Fidler, P.* The informal sector and microfinance institutions in West Africa / Technical Paper No. 342F, World Bank, Washington, D.C., 1996.
11. *Rakowski, C.* Contrapunto: The Informal Sector Debate in Latin America. State University of New York Press, Albany, 1994. 358 pp.
12. *Rakowski, C.* Convergence and Divergence in the Informal Sector Debate: A Focus on Latin America, 1984–92 // World Development. 1994. Vol. 22. No. 4. P. 501–516.
13. *Hart, K.* Informal income opportunities and employment in Ghana // The Journal of Modern African Studies. 1973. Vol. 11. No. 1 (Mar.). P. 61–89.
14. *Hart, K.* Small scale entrepreneurs in Ghana and development planning // The Journal of Development Studies, Vol. 6. Iss. 4: Social Planning. P. 104–120, DOI: 10.1080/00220387008421338.
15. ILO. Resolution concerning statistics of employment in the informal sector, adopted by the Fifteenth International Conference of Labour Statisticians, in Fifteenth International Conference of Labour Statisticians (Geneva, 19–28 January 1993), Report of the Conference, Geneva, ILO, 1993. 14 pp.

16. UN; Eurostat; IMF; OECD; World Bank. 1993. System of National Accounts 1993. (Brussels/Luxembourg, New York, Paris, Washington, DC). Available at <http://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/docs/1993sna.pdf>
17. International Labour Office (ILO). Guidelines concerning a statistical definition of informal employment, endorsed by the Seventeenth International Conference of Labour Statisticians (November-December 2003), in Seventeenth International Conference of Labour Statisticians (Geneva, 24 November - 3 December 2003), Report of the Conference, Geneva, doc. ICLS/17/2003/R, 2003. 4 pp.
18. Гимпельсон В.Е., Зудина А.А. "Неформалы" в российской экономике: сколько их и кто они? / Препринт WP3/2011/06, М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2011. 60 с.
19. Гимпельсон В.Е., Зудина А.А. "Неформалы" в российской экономике: сколько их и кто они? // Вопросы экономики. 2011. № 10. С. 53-76.
20. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Жить в тени или умереть на свету? // Вопросы экономики. 2013. № 11. С. 65-88.
21. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Нормально ли быть неформальным? // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 17. № 1. С. 3-40.
22. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., ред. В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2014. 536 с.
23. Hussmanns R. Defining and measuring informal employment / International Labour Office Working Paper, Geneva, 2004. 21 pp.
24. Measuring the Non-Observed Economy. A Handbook. OECD, 2002. 233 pp.
25. Gibson, B. The transition to a globalized economy: Poverty, human capital and the informal sector in a structuralist CGE model // Journal of Development Economics. 2005. No. 78. P. 60– 94.
26. Gibson, B., Kelley, B. A classical theory of the informal sector // Manchester School. 1994. Vol. 62 (1). P. 81–96.
27. Agénor, P., Aizenman, J. Macroeconomic adjustment with segmented labor markets // Journal of Development Economics. 1999. No. 58. P. 277– 296.
28. Maechler, A., Roland-Holst, D. Empirical Specifications for a General Equilibrium Analysis of Labor Market Policies and Adjustments / Paris: OECD, Technical Paper No.106, 1995. 48 pp.
29. Schaefer, K. Macroeconomic Implications of an Urban Informal Sector: A Theoretical Model and a South African Case Study / Unpublished doctoral thesis, American University: Washington, DC, 2001.
30. Pappa, E., Sajedi, R., Vella, E. Fiscal consolidation with tax evasion and corruption // Journal of International Economics. 2015. Vol. 96. Suppl. 1 (July). P. S56-S75.
31. Stephen J. Turnovsky, Md. A. Basher. Fiscal policy and the structure of production in a two-sector developing economy // Journal of Development Economics. 2009. Vol. 88. Iss. 2 (March). P. 205-216.
32. Annicchiarico, B. and Cesaroni, C. Tax reforms and the underground economy: a simulation-based analysis // International Tax and Public Finance. 2018. Vol. 25. Iss. 2 (April). P. 458–518.
33. Pedro S. Amarala, Erwan Quintin. A competitive model of the informal sector // Journal of Monetary Economics. 2006. Vol. 53. Iss. 7 (October). P. 1541-1553.
34. R.E. Lucas. On the size distribution of business firms // Bell Journal of Economics. 1978. No. 9. P. 508-523.

Kazakova Maria Vladimirovna, Ph.D., Head of Department for Economic Growth Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (84/9, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation); Deputy Head of International Department for Fiscal Sustainability Studies, Scientific Direction "Macroeconomics and Finance", Gaidar Institute for Economic Policy (3-5, build.1, Gazetny per., Moscow, 125009, Russian Federation). E-mail: kazakova@ranepa.ru

Nesterova Kristina Vladimirovna, Senior Researcher of Department of Mathematical Modeling of Economic Processes, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (84/9, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation). E-mail: nesterovakv@ranepa.ru

**INFORMAL SECTOR OF THE ECONOMY:
CONCEPT AND EMPIRICAL ANALYSIS
WITHIN GENERAL EQUILIBRIUM FRAMEWORK**

Abstract

Empirical evidence suggests that the informal sector is the important, and even the main source of employment in many countries, mainly developing and poorly developed. Work in the informal sector represents the only source of income for the population in countries with high poverty levels. At the same time, the expansion of this sector has a negative impact on income level throughout the economy. Therefore, the study of macroeconomic consequences of the informal sector is of both research and empirical interest. The present study reviews the existing definitions of the informal sector, as well as foreign experience of elaborating general equilibrium models with informal sector. This review will be useful for developing a similar model for Russia.

Keywords: *informal sector, formal sector, labor market, shadow economy, underground economy, general equilibrium models, enterprises, fiscal policy.*

УДК 332.1

DOI: 10.22394/2079-1690-2018-1-3-22-29

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА РЕГИОНОВ РФ
ПО УРОВНЮ И КАЧЕСТВУ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ¹**

Крюков Сергей Владимирович доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономической кибернетики, Южный федеральный университет (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Горького, 88).
E-mail: svkrukov@sfedu.ru

Аннотация

Предметом исследования являются особенности измерения, оценки и анализа уровня и качества жизни населения региона для целей оценки эффективности проводимой региональными властями социально-экономической политики и для выработки оптимальной стратегии социально-экономического развития региона. Объектом исследования являются регионы Российской Федерации. Предложен новый подход к проведению сравнительной оценки уровня и качества жизни в регионах, основанный на отслеживании динамики перемещения региона, как некой точки в пространстве двух координат: объективного показателя «среднедушевые доходы населения», отражающего уровень жизни, и второго объективного показателя «ожидаемая продолжительность жизни», отражающего качество жизни в регионе. Анализ перемещения данного региона в указанном пространстве во времени позволит наглядно оценить последствия реализуемой в регионе стратегии социально-экономического развития.

Ключевые слова: *уровень жизни, качество жизни, регионы РФ, рейтинг регионов, интегральная оценка, среднедушевые доходы, ожидаемая продолжительность жизни, миграционный индекс.*

Введение

В последние годы теме измерения, оценки и анализа уровня и качества жизни населения разных стран и регионов уделяется все больше внимания. Почему этой происходит? Господствующей формой правления в большинстве государств мира стала демократия. Причем, уровень развития демократии в конкретной стране является одним из главных индикаторов уровня развития данной страны по сравнению с другими странами. Британская компания Economist Intelligence Unit начиная с 2006 г. ежегодно проводит классификацию более 160 стран мира по уровню развития демократии на основе расчета Индекса демократии (Democracy Index) [1]. Согласно отчету данной компании за 2017 г. 19 стран отне-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00806 «Уровень жизни населения административно-территориальных образований: выявление, исследование, анализ и оценка значимости определяющих факторов (для последующей оптимизации в условиях ограниченных ресурсов)».